

Коза, самовар
и одна большая тайна

Преступления на ТИХОЙ улице

Елена Гаврилина

Уютные детективы (ЭКСМО)

Елена Гаврилина

Преступления на тихой улице

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гаврилина Е. Н.

Преступления на тихой улице / Е. Н. Гаврилина — «Эксмо»,
2026 — (Уютные детективы (Эксмо))

ISBN 978-5-04-254291-6

Нежная история о доме, памяти и опасных секретах На тихой деревенской улице, среди привычного уюта, где пахнет свежей выпечкой, внезапно исчезает соседка Кира. Рита и ее подруги сразу понимают: за этим стоит нечто большее, чем простая случайность. Странное поведение мужа Киры, настораживающие совпадения и находки, от которых становится не по себе, только усиливают их подозрения. За посиделками в кафе «Самовар» подруги шаг за шагом складывают эту историю из тревожных деталей. Серьга Киры, спрятанная в тыкве, женские вещи в заброшенном лесном домике и анонимные угрозы заставляют их начать собственное расследование. Но удастся ли им выяснить, что на самом деле произошло с Кирой, если правда оказывается страшнее первых догадок? Ностальгичная атмосфера частной жизни, дачного быта и семейной нежности, соединенная с настоящей криминальной интригой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254291-6

© Гаврилина Е. Н., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Гаврилина

Преступления на тихой улице

Серия «Уютные детективы»

© Гаврилина Е.Н., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

В самом сердце Уральских гор, словно в колыбели из вековых лесов, приютился маленький уютный городок, которому суждено было стать местом силы и возвращения. Пять хрустальных озёр, словно рассыпанное ожерелье, окружали его, отражая то изумрудные склоны, то свинцовое небо. Леса здесь были щедрыми – в сезон они дарили грибникам тугие боровики и рыжики, а ягодникам – душистую землянику и терпкую бруснику.

Население городка, которое местные шутя называли «сорок тысяч душ и одна общая», не стремилось к громкой славе. Но каждый из этих сорока тысяч знал: город У – не просто точка на карте. Он был родиной, тем местом, куда всегда возвращаются. Молодёжь уезжала учиться, взрослые – в командировки, но рано или поздно все они, как птицы, летели обратно – к своим озёрам, к запаху хвои и дыма из печных труб.

Когда город захлестнул строительный бум, администрация пошла на мудрый шаг – раздала земельные участки на окраинах. Так вокруг городка У... вырос не просто пригород, а особый мир. Это не были ни деревни, ни сёла – это был уютный, продуманный до мелочей посёлок-мечта. Чистые улицы, аккуратные домики, снабжённые всеми благами цивилизации, но при этом утопающие в зелени. Выбор между квартирой в городе и таким домом был очевиден: кто откажется от собственного фруктового сада, моря цветов под окнами и небольшого огородика «для души»?

Гости, впервые попадавшие в город У... замирали в восхищении. Они сравнивали его со Швейцарией – и были правы. Та же гармония природы и человеческого уюта, те же опрятные улицы и ухоженные скверы, украшенные пышными клумбами. Службы городской администрации работали как часы, делая город У... образцом порядка и благоустройства.

При этом У... оставался моногородом – большинство мужчин работало на градообразующем предприятии, гиганте металлургической отрасли, чья продукция занимала не последнее место в экономике страны. Стабильные зарплаты делали жизнь комфортной, хотя и сказывались на стоимости жилья. Но именно это сочетание – надёжная работа и уникальная природа – превращало городок У... в идеальное место для жизни. Особенно для тех, кто хотел встретить пенсию в окружении озёр, лесов и неспешной, душевной суеты маленького уютного поселения.

...Но главным чудом У... была его неразрывная связь с природой, которая жила с горожанами в ритме времён года. Здесь были снежные зимы, когда морозец, звонкий и щиплющий щёки, рисовал на стёклах причудливые узоры, а пушистый снег укутывал улицы в белое безмолвие. Были и жаркие лета, когда воздух над озёрами дрожал от зноя, а в лесах стоял густой аромат нагретой хвои и земляники. А уж осени и вовсе были прекрасны – золотые и багряные, прозрачные и пронзительные, когда каждый лист казался произведением искусства.

Птицы пели здесь не таясь – и в тенистых скверах города, и в палисадниках пригорода. Свиристели стайками облепляли рябины, синицы деловито перепархивали с ветки на ветку, а соловьиные трели по вечерам звучали громче телевизоров в открытых окнах. К людям привыкли не только пернатые. Бобры аккуратно подгрызали осины на городской площади, лисы по-хозяйски наведывались в парки в поисках мышей, а белки беззастенчиво выпрашивали у прохожих орехи, заглядывая в глаза умными бусинками. В пригороде же встретить лосёнка на тропинке или увидеть ежа, деловито снующего в сумерках, считалось делом обычным. Сам бог велел этим лесным жителям чувствовать себя здесь как дома, ведь город и природа жили в удивительном, хрупком и таком дорогом сердце равновесии.

Глава 1

Тыквы и тени

Первый час, вернее 06:45, утра был самым ценным для Риты. Он принадлежал только ей. Она вышла на террасу, закутавшись в свой любимый рыжий плед с лошадками, с наслаждением вдыхая прохладный воздух, пахнувший прелыми листьями и дымком. Высокая и стройная, она неспешно подошла к перилам, и это движение, как и все её движения, было удивительно плавным и немного замедленным. Утренний ветерок шевелил её выющиеся от природы волосы пепельного оттенка, ниспадавшие мягкими волнами до плеч. Холодок слегка румянил белую кожу, и она, чуть вздёрнув немного курносый нос, подставила лицо осеннему солнцу. Его лучи высветили её глаза, превратив из обыкновенных голубых в яркие, почти бирюзовые. Ладони согревала кружка с горячим кофе. Уличные шторы ещё были не сняты, на террасной мебели и на качелях лежали подушки. Кресло-гамак покачивалось от тёплого ветерка. Рита любила это время года. Конец сентября... Сухая осень, листья на деревьях ещё держались, грело солнышко, и хозяйке дома не очень хотелось убирать всё это на зиму, можно было ещё устроить несколько посиделок с кексом, свежесваренным вареньем, заварить травяной чай... А можно и по бокалу вина. Рита прищурилась от удовольствия... Как у поэта:

Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора. Весь день
стоит как бы хрустальный И лучезарны вечера.

Их дом стоял в глубине сада, и с террасы открывался вид, который она любила во все времена года. Весной – белоснежная пена цветущих яблонь и груш. Летом – тенистая прохлада. Сейчас, в конце сентября, сад полыхал багрянцем и золотом. А у подножия деревянных качелей гостили тыквы – пузатые, ярко-оранжевые, собранные накануне. Рита с улыбкой провела по гладкому боку одной из них. Её пальцы наткнулись на шершавый след у плодоножки, похожий на старый шрам. Сколько же приятных посиделок с подругами и семьёй повидала эта терраса за долгие годы...

Дом, в котором они жили, Иван построил своими руками – по рисунку Риты. Она когда-то набросала его на листе бумаги: дом её мечты, с террасой, утопающей в цветах, где плетистые розы и клематисы свивались в живой навес. Он должен был быть тёплым, как объятие, – с деревянными стенами, пахнущими лесом и солнцем, с паркетом, по которому так приятно ходить босиком, и массивными балками под потолком, что хранили тихий шёпот вечеров. И льняными шторами на окнах, сквозь которые утренний свет лился мягко и струисто, словно сквозь облако.

Иван воплотил каждую линию рисунка жены. На первом этаже уютно расположились спальни – их дочерей и их собственная, – утопающие в тишине, просторная ванная комната и светлая кухня-гостиная, где пахло корицей и свежей сдобой. А из гостиной вверх, на второй, мансардный этаж, вела ажурная кованая лестница, будто свитая из осенних листьев.

Второй этаж они не стали делить. Это было одно большое пространство, сердце дома – с камином, в котором так весело потрескивали поленья, с огромным, будто на всю семью, диваном и массивным деревянным столом, за которым собирались они все: дети, внуки, родные, друзья. Здесь, у камина, с декабря по январь гордо возвышалась ель. Её хвойный аромат разносился по всему этажу, наполняя дом дыханием зимы. И по сложившейся традиции они наряжали её все вместе, под смех и вспышки гирлянд, в свете огней и сиянии шаров. Этот дом был не просто строением. Он был продолжением их любви, их истории, их жизни.

Со временем они вместе, втроем – Рита, Иван и сама земля, – обустроили и сад. Он складывался не спеша, год за годом, как складывается хорошая жизнь. Рита высаживала цветники, которые казались не спланированными клумбами, а маленькими дикими полянками, случайно выросшими у дома: люпины, похожие на разноцветные свечи, рыжие бархатцы, которые осенью становились маленькими солнцами, и ковёр из незабудок, голубевших в тени старой яблони.

Между этими островками дикой красоты Иван проложил витиеватые бетонные тропинки. Он заливал их сам, с упорством истинного хозяина, и они петляли по участку, словно нехотя подводя к главным точкам их маленького мира: одна – к крыльцу дома, пахнущего деревом и пирогами, другая – к бане, расположившейся поодаль.

Баня была его особой гордостью – красивый гладкий сруб из темнеющей со временем лиственницы. Из трубы по субботам поднимался в небо ароматный дымок берёзовых поленьев. А рядом, под сенью раскидистой ели, стоял гараж. Для Ивана это была не просто постройка для машины, а его личная крепость, святилище. Здесь он пропадал часами, что-то мастера, возясь с инструментами, и из открытых дверей доносилось ровное жужжание шлифмашинки, стук молотка и тихое посвистывание – верные признаки того, что хозяин дома погружён в состояние счастливого, сосредоточенного покоя.

Её мысли о предстоящем юбилее мамы и уютных осенних вечерах прервало движение в доме напротив. Дмитрий Горчаков, их новый сосед, с неестественно бодрым, как ей всегда казалось, видом выносил в гараж какие-то коробки. Рита поморщилась. Что-то в этом человеке было не так, какая-то «гнильца», как метко определила Лидочка. Она отогнала неприятные мысли, сделав глоток горьковатого кофе. Не дело портить такое утро дурными предчувствиями.

«Рита! Опять на улице кофе пьёшь? Простудишься!» – донёсся из кухни ворчливый голос мужа.

Иван Степанович появился в дверях уже одетый – его коренастая, плотная фигура привычно заполнила проём. Его серьёзное и обветренное лицо было недовольно-озабоченным. Его взгляд скользнул по её высокой, стройной фигуре, задержался на пепельных волосах, трепещущих на ветру, – и снова нахмурился. В руках он, как всегда по утрам, держал её домашнюю куртку. «На, надень. Сквозняк».

«Я не младенец, Ваня», – мягко парировала она.

«Ага, а потом кашель, а потом я буду с тобой по врачам бегать», – пробурчал он, но в его глазах читалось не раздражение, а привычная, выстраданная нежность. «Ладно, мне на работу. Только без твоих детективов сегодня, слышишь? Делом займись. Маме подарок купи».

Рита лишь улыбнулась в ответ. Его ворчание было такой же частью утра, как и запах кофе. Она проводила его взглядом и снова погрузилась в созерцание сада. Её взгляд скользнул по дому Горчаковых. Вспомнилась Кира, жена. Хрупкая, вечно уставшая блондинка, которая, казалось, растворялась в собственном доме. Рита пару раз ловила её взгляд из окна – пустой и испуганный. А потом... потом её не стало. Скоропостижно. Остановка сердца, говорили. «Странно, – подумала Рита, отхлебнув кофе. – Очень странно». Она вспомнила, как за пару недель до того увидела их в саду. Дмитрий, улыбаясь, сжимал руку Киры так, что у неё побелели костяшки пальцев. Их взгляды встретились, и улыбка Дмитрия не дрогнула, а у Киры в глазах был чистый, животный ужас. Тогда Рита списала всё на играющее воображение. Теперь же эта картинка вставала перед глазами с пугающей чёткостью.

С террасы был виден не только дом Горчаковых, но и часть улицы – их маленький, уютный тупик из шестнадцати домов, упиравшийся в стену леса. Прямо на опушке, почти сливаясь с деревьями, стояло кафе Галочки «Самовар». Рита поймала себя на мысли, что сегодня среда. Вечером – мастер-класс по ватным ангелочкам и, конечно, обсуждение последних новостей.

Главной новостью, несомненно, был Дмитрий. После смерти Киры он стал появляться чаще, и его навязчивая, улыбчивая любезность действовала на нервы всем.

Внезапно её пронзила отчётливая, ледяная мысль: а что, если её предчувствия – не просто блажь? Что, если за улыбками Дмитрия скрывается что-то настоящее и ужасное?

Она отставила недопитую кружку. Утро уже не выглядело таким безмятежным. Оранжевые тыквы под качелями смотрели на неё в упор. Они казались безмолвными хранителями жуткой тайны – той, что ещё не открылась её сознанию, но уже пробирала кожу липким холодом. Взгляд её упал на ту самую, со «шрамом». На солнце пятно у плодоножки казалось темнее, почти чёрным, как вход в потаённую нору.

«Надо поговорить с девочками», – подумала Рита. Тут же поймала себя на мысли – «девочками». Ха-ха. Рита уже была на пенсии, но ей не было шестидесяти, любимая соседка Лиза была младше Риты на шесть лет, болтушка Лидочка – ровесница Лизы. Да уж, «девочки». От этих мыслей улыбка непроизвольно заиграла на её губах.

Проводив мужа на работу, она занялась обычными домашними делами. Её плавные движения были полны природной грации даже тогда, когда она просто наводила порядок. Пройдясь по комнатам и убедившись, что дом в общем-то чист, она открыла свой ноутбук. Когда-то Рита Владимировна возглавляла строительную фирму, но, перебравшись за город и оставив свою должность более перспективной и молодой Аллочке, которую полностью к этому подготовила, выйдя на пенсию раньше обычного, она всё-таки работала из дома. Теперь Рита удалённо составляла простые договора на поставку материалов и выставяла счета на оплату для контрагентов. С зарплатой и пенсией личный доход у Риты получался довольно неплохой. Работа была не в тягость – скорее, ритуал, напоминание о том, что её мозг всё ещё в строю. Иногда, глядя на Ивана, вечно погружённого в свои рабочие заботы, но находившего время поворчать и натянуть на неё куртку, она с усмешкой думала, что именно её «простые договора» все эти годы были тем надёжным фундаментом, на котором стоял их общий дом.

Размышляя о своей жизни, она считала себя вполне счастливым человеком. С мужем они вырастили троих дочерей, которые, получив высшее образование, остались жить в большом городе и приезжали теперь только на праздники и дни рождения.

Подойдя к шкафу, чтобы выбрать что-то на вечер, она достала свою любимую шерстяную тунику – ту самую, про которую Лидочка в прошлый раз сказала, что она выглядит в ней «как министр тайных осенних дел». Рита замесила тесто для яблочного пирога. Эти мелкие, отработанные движения успокаивали и настраивали на предстоящий вечер, где за разговорами об ангелочках обязательно проскользнёт что-то важное о Дмитрие.

Надо бы выбрать тыкву для «Джека». Да, раньше, когда девчонки были маленькие, они все вместе вырезали тыкву и выносили её со свечкой внутри на улицу, ставили на небольшой кованый столик во внутреннем дворе. Теперь Рита всё равно вырезает тыкву по привычке, но выносит она её под бурное и гневное ворчание Ивана.

Спустившись с террасы и наклонившись, чтобы взять тыкву – та, что со шрамом, оказалась самой крупной и яркой, – взяв её в руки, почувствовала неладное: с одного бока тыква была подозрительно лёгкой, будто изнутри её уже кто-то выел. Головой покачала, отгоняя бредовые мысли. «Слишком много детективов, Рита Владимировна», – прошептала сама себе.

Но когда повернула тыкву в руках, кровь у неё застыла в жилах. Из узкой трещины у основания плодоножки тускло поблёскивал маленький металлический предмет. Присмотрелась – и сердце ёкнуло. Серьга. Та самая, с бирюзовой подвеской в виде капли, которую в последний раз видела в ухе Киры Горчаковой в тот самый день, когда та с таким ужасом смотрела на неё из-за куста сирени...

Воздух вокруг внезапно показался ледяным. Рита резко выпрямилась, сжимая в руках холодную тыкву-свидетельницу. Вечер в «Самоваре» обещал быть куда интереснее, чем просто мастер-класс по ангелочкам. Теперь у неё был не просто повод для тревоги. У неё была улика.

Глава 2

Ангелочки из ваты и тревожные звоночки

Рита, застегнув пальто, вышла за калитку. Осенние дожди ещё не начались, и дорога была сухой и чистой, устланной ковром из опавших листьев. Несмотря на вечернюю прохладу, воздух пах сухой осенью – пряный и душистый, с нотками влажной земли, спелых яблок и дымка из печных труб.

На мгновение она обернулась, её взгляд задержался на уютном доме Лизы, стоящем через забор, а затем тронулась в путь. Её неторопливые шаги выстроили в голове привычную, родную карту их маленькой улицы. Вот – дом новой молодой семьи, из открытого окна которого доносился смех ребёнка. Вот, через два дома, – аккуратный, как конфетка, домик Лидочки, а напротив, за низким заборчиком, царство тёти Аси, где вечно паслась её знаменитая коза Маруся. Дальше дорогу преграждали стройматериалы – здесь Илья не спеша возводил новый дом на продажу. А напротив стройки красовался его собственный, уже обжитой дом.

Путь Риты лежал дальше, к дому Галочки, который соседствовал по забору с домом Ильи, а напротив жила шумная и хлебосольная пара – Инна с Андреем. «Вот и вся наша улица, – не без нежности подумала Рита, – и заканчивается она, как и положено, самым тёплым местом – Галочкиным кафе».

Вечерняя прохлада заставляла кутаться потеплее, но внутри кафе «Самовар» у Галочки было по-летнему уютно и пахло сдобой, корицей и воском. Стены, обитые тёплой деревянной вагонкой, поглощали уличный шум, создавая ощущение изолированного, безопасного мирка. На полках стояли глиняные горшочки с засушенными травами, а с открытой кухни доносилось равномерное, убаюкивающее шипение самовара. Рита, приоткрыв дверь, на мгновение застыла на пороге, наблюдая за уже собравшимися. Это был их маленький женский совет, замаскированный под мастер-класс по созданию ватных ангелочков.

За большим деревянным столом царила привычная суэта. Ярче всех выделялась Галочка – темноволосая, черноглазая, похожая на цыганку, она с шутками и прибаутками расставляла чашки и раскладывала материалы. На ней был яркий фартук с вышитым петухом поверх узких чёрных брюк и чёрной футболки, и казалось, что одна её улыбка способна обогреть всё помещение. Её кафе было не просто местом работы, а детищем, пока муж был в постоянных командировках.

Галочка когда-то работала поваром в столовой на производстве. С мужем Виктором у них было трое детей. Три девочки были на удивление похожи на свою мать и друг на друга как под копирку, находясь всегда рядом и помогая ей в заведении, хотя и были все разных возрастов. После вторых родов Галочка уже не вышла на работу, а начала готовить на заказ и обслуживать юбилеи или любые праздники, куда её приглашали. Так потихоньку они с мужем скопили на первое время и начали строительство кафе. Через некоторое время их труды увенчались успехом. Кафе работало исправно. В основном его всегда заказывали на корпоративы, юбилеи и, конечно, новогодние праздники. Галочка готовила очень вкусно. Весть о её блюдах мгновенно разнеслась после открытия, так что от клиентов отбоя не было.

– Рита, заходи, заходи, чай уже закипает! – Галочка одарила её лучезарной улыбкой. – Лидочка уже всю улицу оповестила о наших планах.

Лидочка, невысокая, чуть полноватая и хлопотливая, уже сидела на своём месте. Её смешные каштанового цвета кудряшки трепетали в такт энергичным жестам, глаза в тон цвета волос блестели от возбуждения. Вся она источала такую стремительную энергию, что казалось, вот-вот сорвётся с места и помчится по делам на своём белом «Фольксвагене Поло». Она работала учителем начальных классов. Хотя и была энерджайзером, всегда аккуратно одетая, как и

подобаёт её профессии, но умудрялась всё время опаздывать везде, поэтому её «Поло» всегда носился по дорогам их милого пригорода. Лидочка что-то живо рассказывала Лизе, соседке Риты через забор. Лиза, высокая блондинка с аккуратной стрижкой каре, слушала её со своей обычной спокойной внимательностью. На ней был однотонный песочного цвета вязанный брючный костюм. Сложенные перед ней на столе руки – ухоженные, с коротко подстриженными ногтями – лежали совершенно неподвижно, и эта неподвижность странно контрастировала с вихрем эмоций, который извергала Лидочка. «На всём облике логопеда Лизы, – подумала Рита, – даже в расслабленной обстановке лежала печать собранности».

– О чём это вы? – спросила Рита, присаживаясь рядом с Лизой.

– Да о новом авто Дмитрия. – Лидочка, перебивая, закатила глаза. – Внедорожник, представляешь? А где деньги, спрашивается? Кира жаловалась, что на хлеб порой в долг просила... Хотя, – она понизила голос, – тётя Ася вчера видела, как он целую коробку дорогого вина в гараж заносил. Странно, да?

Рита кивнула. Да, странно. Очень. Её взгляд встретился с взглядом Лизы. В голубых, обычно ясных глазах подруги читалось то же настороженное понимание. Это было похоже на встречу двух опытных шахматистов, которые без слов поняли, что игра началась и фигуры на доске уже не совсем те, что были вчера.

Лизу и Риту связывала давняя дружба, начавшаяся ещё в городских квартирах, когда их дети были маленькими. Именно тогда, поддерживая друг друга и своих мужей, они приняли судьбоносное решение перебраться за город. Судьба распорядилась так, что и здесь они стали ближайшими соседками, разделяя не только забор, но и повседневные радости и тревоги. Неторопливая жизнь на земле шла своим чередом: дети выросли, а подруги по-прежнему обменивались через забор новостями, свежими идеями и, конечно же, рассадой. Лиза, высокая и стройная, как и Рита, всерьёз увлекалась йогой, придерживалась ЗОЖ и имела на всё свою, выверенную и спокойную, философскую точку зрения.

– Кира была хорошей женщиной, – тихо, но весомо вступила в разговор Лиза. – Ко мне на консультацию её старший сын ходил, так она всегда такая... затравленная была. Будто тень собственная. Однажды, помню, он пришёл расстроенный – у них в школе песню к празднику разучивали. А она, Кира, всё твердила ему: «Тише, сынок, пой тише, папа отдыхает». И в глазах у неё был такой страх... – Лиза замолчала, словно поймав себя на том, что сказала лишнее.

– А я её в парикмахерской видела, – из своего угла громко, по-своему, подала голос тётя Ася, соседка Лидочки. Бабулька, крикливая и принципиальная, несмотря на свои семьдесят восемь лет, сидела с прямой спиной и вязала с такой скоростью, что спицы мелькали. Была она местным скандалистом и голосом народной совести, но для своих, для этих женщин, – лишь добрая и бодрая защитница. – Заходила пару раз. Скромная такая, всё про детей рассказывала. А про мужа... ни словечка. Это о многом говорит. А в прошлый четверг, – тётя Ася на секунду приостановила спицы, и её цепкий взгляд скользнул по лицам женщин, – он, ваш Дмитрий, у мусорных контейнеров стоял, незнакомому человеку какую-то бумажку передавал. А увидел меня – так весь изменился, улыбка до ушей, засуетился. Ненормальная эта любезность, я вам скажу.

Все молча согласились. Отсутствие жалоб иногда кричит громче любых слов. В тишине было слышно, как потрескивают в камине дрова, и этот уютный звук вдруг показался Рите зловещим.

Рита перевела взгляд с тёти Аси на Лидочку. Станный дуэт составляли эти двое. Лидочка годилась своей соседке в дочери, но это не мешало им часами просиживать друг у друга в гостях, распивая чай с Галочкиными пирожками. Правда, львиную долю их бесед занимали жалобы Лидочки на тёти Асину козу Марусю – всеядное существо, способное за минуту уничтожить весь палисадник и половину белья на верёвке. Другие бы на их месте давно раз-

ругались в пух и прах, а эти двое предпочитали сообща гонять и воспитывать нерадивую козу, находя в этом свой, особый ритуал дружбы.

– Мой Фёдор его с первого дня невзлюбил, – снова затараторила Лидочка. – Говорит, глазомер спортсмена его никогда не подводил, а у этого глаза бегающие. И ведь общается с ним, делает вид, что всё нормально, а дома мне шёпотом: «Лид, от него фальшью пахнет». А сегодня видел, как тот самый брат Дмитрия, Артём, к нему в гости пришёл. Тот, который «с приветом». И знаете, Фёдор сказал, что шёл Артём не шатаясь, а очень даже целенаправленно. И в руках у него был не пакет с выпивкой, а какой-то плотный чёрный кейс, маленький такой, дипломат.

Имя Артёма повисло в воздухе тяжёлым, неприятным облаком. Все знали про него – неадекватный, непредсказуемый, то ли пьющий, то ли колющийся. Но кейс... Кейс не вписывался в этот образ. Кейс – это дело. Кейс – это расчёт.

– Ладно, хватит о грустном, – решительно переменила тему Галочка, ставя в центр стола блюдо с горячими пирожками. – Давайте лучше ангелочков делать. Может, и впрямь кого-нибудь охранять будут. Она бросила на Риту быстрый, понимающий взгляд, словно говоря: «Продолжим позже, без свидетелей».

Рита взяла в руки кусочек ваты, теребя его в пальцах. Но мысли её были далеко от рукоделия. Она смотрела на этих разных женщин – крикливую тётю Асю, болтливую Лидочку, мудрую Лизу, хлебосольную Галочку. Все они, каждая по-своему, чувствовали ту же фальшь, что и она. И все они, так или иначе, были связаны с Кирой. С той самой Кирой, чья смерть оказалась такой удобной и такой... своевременной для Дмитрия.

Она отложила вату. Прежде чем делать ангелочков, следовало разобраться с земными делами. И начинать нужно было с того, что объединяло всех собравшихся за этим столом – с памяти о хрупкой блондинке с усталыми глазами, которой больше не было. И с бирюзовой серёжки, что сейчас лежала завернутой в носовой платок на дне её сумки и жгла ей душу, как раскалённый уголь.

Глава 3

40 дней

Занимаясь на следующий день своими повседневными заботами, она развешивала во дворе постиранное бельё. Осенний ветерок, тёплый и ласковый, шевелил её волосы и наполнял простыни запахом свежести и последних цветущих георгинов. Поливая хризантемы у крыльца и срезав несколько стеблей для кухни, подумала, что нужно сходить в магазин – за хлебом, молоком и спичками для камина.

Решив не откладывать, она накинула лёгкий кардиган и вышла за калитку. День стоял удивительно тёплый и щедрый. Воздух был прозрачным и звонким, а солнце припекало спину почти по-летнему. По дороге к супермаркету она встретила соседей с параллельной улицы – супругов Петровых, которые выгуливали своего старенького спаниеля.

– Здравствуйте, Рита Владимировна! – крикнула ей Надежда Петровна. – Какая благодать! Долго ли, думаете, простоит?

– Дай бог до выходных, – улыбнулась Рита, останавливаясь. – Говорят, к субботе дожди обещают.

– Ой, не надо бы, – вздохнул Николай Иванович, дёргая поводок. – Пусть походит ещё такая восхитительная осень. Грибы бы ещё собрать, пока не замкнуло.

Помахав им на прощание, Рита пошла дальше, ловя на лице этот ласковый ветер и думая о том, как быстротечна красота – и осенняя, и человеческая. Именно тогда, подойдя уже к ярко-оранжевым дверям супермаркета, она вдруг снова вспомнила вчерашний разговор о Кире, и воспоминания накрыли её с головой.

Она двигалась по магазину почти на автомате, складывая в корзину привычные продукты: пачку масла, булку хлеба с хрустящей корочкой, пакет молока. А в голове прокручивались кадры вчерашнего вечера. Вот они сидят у Галочки, и Лидочка, размахивая руками, с возмущением рассказывает о новом внедорожнике Дмитрия. Вот встревоженные глаза Лизы, в которых она прочла то же немое понимание: «Что-то здесь не так». Рита нахмурилась, пытаясь отогнать навязчивые образы, и потянулась за пачкой спичек, мысленно возвращаясь к списку покупок. Камин... да, нужно будет растопить вечером...

– Рита Владимировна, вы с нами? – Голос кассира, молодой девушки Марины, мягко вырвал её из водоворота тяжёлых раздумий. – Всё пропустила через сканер. Картой или наличными?

– Ой, простите, Мариночка, – вздрогнув, улыбнулась Рита, поспешно доставая кошелек. – Замечталась. Картой, пожалуйста.

Совершив оплату, она взяла пакет с покупками и вышла на улицу. Тёплый ветерок снова обнял её, но прежнего умиротворения уже не было. По дороге домой воспоминания накатывали с новой силой. Она снова видела Киру – не ту, уставшую и затравленную, а ту, какой запомнила её в один из редких солнечных дней: смеющуюся, с сияющими глазами, пока дети резвились на лужайке. Эта картина была таким разительным контрастом с тем, что случилось потом, что у Риты заныло сердце. Она ускорила шаг, чувствуя, как тяжёлый груз сомнений и тревоги возвращается.

По дороге к калитке родного дома Рита вспоминала...

Весть пришла утром, сухая и официальная, как справка. Соседям сообщили, что Кира Горчакова скоропостижно скончалась от остановки сердца. Острая послеродовая кардиомиопатия. Для улицы это стало шоком. Для Риты – горьким осадком нестыковок.

Поминки на сороковой день Дмитрий устроил у себя дома. Вся улица, как водится, пришла. Стоя в прихожей, Рита не могла избавиться от ощущения, что попала на плохо отрепетированный спектакль.

Дмитрий, поджарый и весь «приглаженный», встречал гостей у входа. Его серые, навывкате глаза были сухи, а на лице застыла подобранная, уместная скорбь.

«Спасибо, что пришли, – жал он руки, заглядывая в глаза. – Спасибо, что так любили нашу семью, так поддерживали Киру».

Рита едва не поперхнулась. «Любили семью». Все знали, что любили и жалели одну только Киру – хрупкую блондинку с усталыми глазами, вечно снующую по дому с младенцем на руках. Два старших сына – мальчишки восьми и пяти лет – метались вокруг как вихрь, снося всё на своём пути. Рита, сама вырастившая троих, прекрасно понимала, что значит остаться с тремя маленькими детьми один на один, без поддержки. А его, Дмитрия, просто терпели. Он был словно призрак в собственном доме – вечно в командировках или на загадочных «курсах», оставляя жену с тремя сыновьями, младшему из которых не было и года.

По словам Лидочки, денег он семье не оставлял – от слова совсем. Зато регулярно привозил по мешку круп и макарон, мясо они покупали редко. Рита знала, что Кира иногда, краснея до слёз, занимала у тёти Аси на хлеб.

И вот этот человек, скупец и деспот, с театральным пафосом благодарил соседей за «хорошее отношение». Фальшь от него так и растекалась по комнате, густая и липкая.

Лидочка, стоявшая рядом, тихо прошипела Рите на ухо:

– Смотри, как вжился в роль. Тьфу! И на столе-то что? Макароны по-флотски да селёдка. На поминках!

Именно Лидочка, со свойственной ей стремительностью, успела сблизиться с Кирой в последние месяцы, помогая ей с детьми. От неё Рита и узнавала обрывки информации: мол, Дмитрий – хороший специалист в области геологоразведки, а семья переехала из другого региона, спасаясь от плохой обстановки. Но чем больше Рита наблюдала, тем сильнее крепло подозрение: Кира слишком часто вздрагивала от резкого звука, а в глазах её читался немой, животный страх.

Рита кивнула. Её взгляд упал на фотографию Киры в чёрной рамке. Улыбка на снимке была той самой, стеклянной и неживой, что она часто видела при жизни. Но в гробу, на отпевании, Кира и вовсе была мало похожа на себя – черты будто расплылись, нос казался чуть иным, а родинка над губой... исчезла. Волосы были спрятаны под туго затянутый платок.

«Гримёры постарались», – тогда шепнула ей Лидочка.

Но старания эти выглядели не просто усердными, а отчаянными – будто кто-то пытался слепить лицо покойной по смутным воспоминаниям.

Однако самым жутким было другое. Перед тем как вынести гроб, Дмитрий попросил всех выйти на улицу – «дать ему возможность попрощаться с женой наедине». И когда толпа, шурша одеждой, выполнила его просьбу, в доме на несколько минут воцарилась звенящая тишина. А потом гроб вынесли. Уже с наглухо забитой крышкой.

Теперь, вспоминая прилизанного Дмитрия, Рита с ужасом думала: а что, если в тот момент, когда все стояли во дворе, опустив головы, в опустевшем доме происходило нечто иное? Что, если тяжёлый ящик с позументом, который несли гробовщики, был начисто пуст? И единственное, с чем Дмитрий остался наедине в той зловещей тишине, – с необходимостью скрыть какое-то преступление.

Подходя к калитке, Рита всё ещё мысленно возвращалась к вчерашнему вечеру, к тревожным воспоминаниям о поминках. Как вдруг из глубин тяжёлых раздумий её вырвал настойчивый звонок телефона. На экране улыбалось фото старшей дочери, Насти.

– Мам, привет! – послышался её бодрый, чуть взволнованный голос. – Слушай, мы тут всё обсудили и окончательно решили: на юбилей бабушки все приезжаем! На трёх машинах, представляешь? Полный комплект, с детьми, зятями и пирогами!

Рита невольно улыбнулась, мысленно представляя предстоящий шумный и радостный хаос.

– Это замечательно, Насть. Очень всех ждём.

– Мам, а ты что бабушке собираешься дарить? – тут же перешла к следующему вопросу Настя. – Я вот всё думаю, то ли пуховый платок, то ли хороший плед... А ты?

– Честно? Так ничего и не придумала, – вздохнула Рита, останавливаясь у калитки и перекладывая тяжёлый пакет из руки в руку. – В голове совсем другое...

– Ладно, вместе что-нибудь придумаем, – легко парировала дочь. – Так, слушай дальше! Главное – передай папе, что ночевать мы все у вас остаёмся. Места, ясно, всем хватит! И ещё: баню затопим? Ты же знаешь, Сергей без бани жить не может. И камин папа разожжёт? Чтобы с внуками посидеть, посмотреть, как огонь играет... Создать атмосферу!

– Да, конечно, – тепло отозвалась Рита, и её голос наконец смягчился. – Конечно, всё будет. И баню истопим, и камин папа разожжёт. Уж постараемся.

Они ещё пару минут обсудили организационные детали, и, закончив разговор, Рита опустила телефон. Она откинула голову, подставив лицо солнцу, и закрыла глаза. Тёплый ветерок обвил её шею, словно шёлковый шарф. «Господи, – подумала она, – какая всё-таки прекрасная погода. И как же всё в жизни переплетено – это осеннее солнце, предвкушение праздника и эта... эта тень, что ложится на душу. Но сегодня, прямо сейчас, нужно просто жить».

Она толкнула калитку и направилась к дому, неся в руке тяжёлый пакет, а в душе – странную смесь светлой радости и тревоги.

Прошла неделя после поминок, вот уже почти два месяца как Кира умерла, или... пропала. Жизнь, казалось, начала входить в свою колею. Дмитрий, бледный, но собранный, водил детей в сад и школу; самого младшего, восьмимесячного малютку, он отправил к своей матери. А потом случилось то, что перевернуло всё с ног на голову.

Всё началось с мелочи. Собака тёти Аси притащила с прогулки в зубах и принялась рвать у всех на виду женскую туфлю. Не какую-нибудь, а молочного цвета с характерным бантом – точь-в-точь как пара, которую Рита так часто видела на Кире. И на замшевой подошве, впитавшей влагу, угадывалось тёмное, почти чёрное пятно.

Пока Рита с замершим сердцем разглядывала находку, её окликнула Лиза. Та была бледна.

– Я поговорила с той самой парикмахершей, – тихо, чтобы не слышали соседи, сказала она. – Она поклялась, что в день смерти делала Кире укладку. И... поправляла ей чёлку, закрывавшую огромный синяк на лбу.

Они успели лишь обменяться взглядами, как их прервал появившийся из-за угла Артём, брат Дмитрия. Тот самый, «с приветом». Но на этот раз он вёл себя не как потерянный алкоголик, а как человек, обладающий знанием. Поймав Риту за локоть, он прошепел: «Не лезь не в своё дело. А то узнаешь, куда на самом деле уплывают местные...» Он не договорил – и стремглав скрылся.

Тем же вечером Дмитрий вынес к забору несколько коробок с вещами Кире.

– Берите что-нибудь на память, – безразличным тоном предложил он соседкам, разбирающим вещи для передачи родственникам и знакомым.

Галочка, перебирая платья и книги, наткнулась на дне коробки на нечто странное: на свет божий из-под стопки белья выпорхнула сложенная в несколько раз карта их района, где у озера, в глухом лесочке, кто-то поставил жирный крест – такой жирный, будто вдавливал карандаш в самую бумагу с ненавистью.

Одного дня хватило, чтобы обрывки слухов и подозрений сплелись в единую, ужасающую картину. И Рита поняла – игра в ангелочков окончена. Начинается охота.

На террасе за вечерним чаем с вишнёвым вареньем Лидочка, обычно такая болтливая, сидела непривычно тихая. Её пальцы дрожали, когда она ставила чашку на блюдце.

– Девочки. – Голос её сорвался на шёпот. – Я, наверное, схожу с ума.

– Что такое, Лидочка? – успокаивающе спросила Рита.

– Мне... приходят сообщения... – Она выдохнула и посмотрела на подругу испуганными, по-детски круглыми карими глазами. – Я думаю, они от... Киры.

Рита почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки.

– С незнакомого номера, – продолжала Лидочка, доставая телефон. – Вчера вечером. И сегодня. Смотри.

Она протянула телефон. На экране было два коротких сообщения, пришедших с неизвестного номера.

«Лида, помоги».

«Лида, спаси меня».

Тишина стала густой и звенящей. Теперь это было не просто чутьё. Это был крик о помощи. Крик из могилы, в которой, возможно, никто не лежал.

Глава 4

Первые шаги в тени

Лиза и Рита решили всё-таки проводить Лидочку до дома. Потом Лиза предложила дойти до ближайшего супермаркета, находившегося при въезде на соседнюю улицу. «Заодно прогуляемся», – решили подруги.

Смеркалось. Осенний воздух был прохладным. Порывы ветра пробирали насквозь. По дороге они обсуждали последние новости, но разговор как-то сам собой перешёл на Киру и странные сообщения. Вдруг их окликнул знакомый голос:

– Девчата! Пойдите!

К ним подбегала запыхавшаяся Валентина, их приятельница с соседней улицы. Пальто зеленого цвета на ней развевалось от ветра, рыжий фетровый берет на голове она придерживала своей пухлой ладонью, а в глазах её было непреодолимое желание поделиться срочной новостью. У Риты похолодело внутри.

– Вы не поверите, какая история! – начала она, не переводя дух. – В нашем кризисном центре, том самом, что находится со стороны соседнего поселка, новенькая появилась. Ночью еле пришла, постучалась. Хорошо, что сторож Михалыч в это время дежурил – он человек добрый, впустил, хоть и не по правилам.

– И что же в этом особенного? – спросила Лиза, хотя у Риты уже защемило сердце.

– А то, что она вся перепуганная, лица на ней нет! – продолжала Валентина, понизив голос. – Видно, били её сильно... Всю. Молодая ещё, волосы светлые, глаза серые... вернее, один глаз. Второй-то совсем заплыл – синяк огромный, весь в кровоподтёках. И главное – на вопрос, как зовут, только головой качает. Будто боится назваться. Говорит Михалычу: «Мне бы просто переночевать, я потом уйду...»

Она оглянулась и добавила ещё тише:

– А ещё попросила не сообщать в полицию. Михалыч, он душа-человек, пожалел, конечно. Говорит: «Милая, да кто ж тебя так?» А она – ни слова. Молчит, будто воды в рот набрала.

Рита почувствовала, как у неё екнуло внутри от догадки. Светлые волосы, серые глаза, перепуганный вид...

– И когда это было? – стараясь сохранить спокойствие, уточнила она.

– Да как раз после тех самых поминок у Горчаковых! – воскликнула Валентина Петровна. – Помните? Вот в ту самую ночь она и появилась.

Больше не добившись никаких подробностей и распрощавшись с приятельницей, подруги замерли в ошеломлённом молчании. Мысли путались, дыхание перехватывало. Но жизнь брала своё.

– Всё равно пойдём в магазин, – решительно сказала Рита, стараясь вернуть обыденность в голос. – Мне нужно кое-что купить к маминому юбилею. Да и... может, ещё кого встретим, новости послушаем.

Они медленно пошли дальше, заморосил осенний дождик, но обычная болтовня уже не клеилась.

– В конце концов, должны же наконец заделать эту яму на нашем перекрёстке, – насильно продолжила Лиза, пытаясь отвлечься. – Бедного мэра уже кто только не ругал.

– Говорят, к выходным снегопад обещают, – машинально ответила Рита. – Сильнейший. Все гадают – ляжет или растает...

Но притворяться было бесполезно. Слова висели в воздухе ненужным, наигранным шумом. Пройдя ещё несколько домов, Лиза вдруг остановилась и тихо, почти шёпотом произнесла:

– Рита... Это же... не может быть совпадением.

В её голосе была та же леденящая уверенность, что сковывала и сердце Риты. Все бытовые мысли о ямах, мэре и снегопаде разом улетучились, уступив место одному-единственному, страшной догадке.

Супермаркет встретил их ярким светом и привычной суетой. Рита машинально взяла корзинку, пытаясь сосредоточиться на списке покупок: свечи для торта, бумажные салфетки с юбилейной надписью, банка консервированных персиков к праздничному столу...

– Возьми ещё пару шоколадок, – предложила Лиза, указывая на полку со сладостями. – Для внуков про запас.

– И себе парочку, – слабо улыбнулась Рита. – Для нервов.

Они двигались между стеллажами, кивая знакомым, но слыша лишь обрывки фраз. Мысли обеих были там, в кризисном центре, о той избитой женщине со светлыми волосами.

Подойдя к кассе, они оказались в очереди за тётей Аней – местной известной заводилой, которая вечно спорила с кассиром из-за скидок. На её голове красовался излюбленный алый мохеровый берет, которому было столько же лет, сколько Рита знала саму тётю Аню. Помада на губах была точно такого же цвета. Смотрелось это немного комично, особенно учитывая преклонный возраст женщины.

– Ну как так-то, Марина? – разводила руками тётя Аня. – В прошлый раз по акции «Три по цене двух» были!

– Анна Петровна, акция закончилась вчера, – терпеливо объяснила кассир и обессиленно уставилась на неё.

– Да не может быть! У меня календарь висит, я специально посмотрела!

Пока они препирались, Рита заметила, как Лиза замерла у стойки с батарейками, глядя в одну точку.

– Лиза, ты что?

– Смотри, – прошептала та. – У кассы. Мужик в серой куртке. Это Артем Горчаков.

Рита присмотрелась. Мужчина средних лет нервно переминался с ноги на ногу и то и дело поглядывал на вход.

– Это точно он?

– Да. Он уже третий раз за неделю покупает десять банок тушёнки, две гречки и пачку самых дешёвых чайных пакетиков. Каждый раз в это же время. Как по расписанию.

В этот момент тётя Аня, проиграв битву за скидки, вдруг радостно ахнула:

– Ой, а у меня же скидочная карта «именинника»! Сегодня как раз мой день рождения!

Кассир Марина устало вздохнула:

– Анна Петровна, ваш день рождения был позавчера. Вы тогда торт покупали. Я сама вам скидку сделала.

– Ну позавчера, сегодня – какая разница? Плюс-минус сутки в масштабах вселенной!

Все в очереди дружно заулыбались. Даже вечно серьёзный продавец из мясного отдела фыркнул.

Комичная сцена разрядила обстановку. Рита с Лизой переглянулись, и на их лицах на мгновение появились настоящие улыбки. Но когда они вышли из магазина с пакетами, Лиза снова стала серьёзной.

– Знаешь, Рита, а ведь Артём всё это не просто так покупает... Интересно, для кого?

Лёгкость мгновенно испарилась. Даже в самом обычном походе за продуктами их мир теперь оказался полон тревожных знаков.

Ветер дул просто пронизывающий, он свистел в ушах и гнал подруг всё быстрее и быстрее. Они почти бежали, втянув головы в плечи и кутаясь в тонкие осенние пальто, которые внезапно показались совсем негодной защитой от разгулявшейся стихии.

Прохожих на улице было мало – разумные люди попрятались по домам. Конечно, кто в такую погоду пойдёт на прогулку? Даже завсегдатаев Петровых со спаниелем они не встретили на обратном пути. Их обычный поход в магазин превратился в настоящее испытание. Окна в домах светились жёлтыми тёплыми квадратами, за которыми угадывалась чужая, защищённая от непогоды жизнь.

Эта внезапная перемена – с тёплого утра на холодный, колючий вечер – казалась Рите зловещим знаком. Как будто сама природа вдруг сменила милость на гнев, предупреждая о чём-то. Они молча, подгоняемые ветром, почти бегом одолели последние метры до дома Риты, чувствуя, как тревога сжимает сердце плотнее, чем промозглый холод.

Пакеты с покупками вдруг стали невыносимо тяжёлыми. Несмотря на это и немного подумав, Рита и Лиза почти бегом вернулись к дому Лидочки, сломя голову взлетели по крыльцу и нажали звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.